

В.А. Бурнаков¹✉, А.А. Бурнаков²

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

² Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Баран в традиционной хакасской обрядности детского цикла (конец XIX – середина XX века)

Домашние животные, в т. ч. и бараны/овцы, всегда составляли и составляют основу хозяйства и традиционной обрядности хакасов. Данная реалья получила отражение в фольклоре и ритуальной практике этого народа. Наряду с этим следует отметить тот факт, что в хакасской этнографии баран/овца и их образ никогда не выступали в качестве специального предмета научного исследования. Указанное обстоятельство свидетельствует о новизне представленной работы. Целью данной статьи является определение функции барана в обрядности хакасов, связанной с детским циклом. Хронологические рамки исследования ограничены рамками конца XIX – серединой XX столетия. Исследование базируется на этнографических и фольклорных источниках. Используемые в работе фольклорные материалы – отрывки из героических сказаний (алыптыг ныхмахтар) в авторском переводе на русский язык, а также архивные этнографические сведения вводятся в научный оборот впервые. Проведенное исследование позволило выявить и проанализировать место и роль барана в ритуальной практике хакасов, связанной с миром детства. Определено, что рассматриваемое животное имело большую хозяйственную ценность и чрезвычайную востребованность во многих сферах жизни человека. Оно широко употреблялось в качестве пищи и материала для изготовления одежды, постели и пр. Выявлено, что сакральная функция животного выражалась в наделении его защитными свойствами. Образ барана и отдельных частей его тела выступали в качестве популярного оберега и символа плодородия. Все это способствовало наделению барана высоким семиотическим статусом. В связи с этим баран был широко задействован в обрядности, связанной с детским циклом – рождением, имянаречением и пр. Показано, что он являлся распространенным предметом дарообменных процессов как внутри человеческого коллектива, так и во взаимоотношениях с миром духов.

Ключевые слова: хакасы, традиционная культура, мировоззрение, баран, овца, мир детства, обрядность.

V.A. Burnakov¹✉, A.A. Burnakov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

²Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

Sheep in the Traditional Khakas Ritual of the Children's Cycle (Late 19th to Mid-20th Century)

Domestic animals, including rams/sheep, always formed the basis of the economy and traditional rituals of the Khakas. This reality is reflected in the folklore and ritual practice of these people. Along with this, note that, in the Khakas ethnography, the ram/sheep and its image was never as a special subject of scientific research. This testifies to the novelty of the provided work. The purpose of this article is to determine the function of the ram in the Khakas rituals associated with the children's cycle. The chronological framework of the study is limited to the framework of the late 19th to mid-20th centuries. The research is based on ethnographic and folklore sources. The folklore materials used in the work include excerpts from heroic legends (alypty nymakhtar) in the author's translation into Russian, and archival ethnographic information is also introduced into

scientific circulation for the first time. The study made it possible to identify and analyze the place and role of the ram in the ritual practice of the Khakas people associated with childhood. It was determined that the animal in question had a great economic value and was in extreme demand in many areas of human life. It was widely used as food and material for making clothes, beds, etc. It was revealed that the sacral function of the animal was expressed in endowing it with protective properties. The image of a ram and individual parts of its body were used as a popular amulet and a symbol of fertility. All this contributed to endowing the ram with a high semiotic status. In this connection, it was widely involved in the rituals associated with the children's cycle: birth, naming, etc. It is shown that it was a widespread subject of gift exchange processes, both within the human community and in relationships with the world of spirits.

Keywords: *Khakas, traditional culture, worldview, ram, sheep, world of childhood, rituals.*

В быту и культуре каждого народа, в т.ч. и хакасов, во все времена домашние животные занимали одно из важных мест. Значимость скота в домашнем хозяйстве для человека не ограничивалась только утилитарными потребностями, такими как использование в качестве источника пищи, сырья и пр. В традиционном обществе скотоводов количество скота и факт обладания им являлись показателем социального благосостояния человека. Так, в религиозно-мифологическом сознании хакасов состоятельные люди, имевшие многочисленные стада домашних животных, воспринимались как особые люди, которым покровительствовала сверхъестественная сила. Более того, в народе была распространена убежденность в том, что многие из них и сами являлись своего рода носителями мистической силы [Бурнаков, 2010, с. 112].

В традиционных воззрениях хакасов многим домашним животным придавался высокий семиотический статус благодаря наделению их сакральными свойствами. Таких животных часто использовали в традиционной обрядности, связанной с жизненным циклом человека: рождением, вступлением в брак и смертью. В число ритуально значимых животных у хакасов, как правило, входил баран/овца (хак. *хой*).

Целью данной статьи является определение функции барана в обрядности хакасов, связанной с детским циклом.

В традиционной культуре хакасов, как и многих других народов Сибири и Центральной Азии, бытовало условное разделение домашнего скота на животных с «горячим» и «холодным» дыханием. Подобное разграничение основывалось на знании скотоводами особенностей животных, специфики вкусовых качеств и питательной ценности молока и мяса. Баран относился к категории домашних животных с «горячим дыханием» (*изіг тынныг мал*). Это подразумевает его наибольшую близость к человеку. В мифологическом мышлении понятия «горячее», «жаркое», «огненное», «солнечное» часто объединены в единое смысловое поле. И поэтому совершенно не случайно, что в мифах многих народов образ барана устойчиво ассоциируется

с огненной/соляной символикой [Топоров, 1988, с. 237–238]. В эпических произведениях хакасов огненная природа указанного животного проявляется в сюжете о противоборстве двух баранов. В результате их мощного столкновения образуется огненное пламя.

«Хубан Арыг харах салып көрзе,
Ах порчолыг ах чазы төзелче.
Ах чазының ортызында
Ах хучанаң хара хуча сүзіс тур.
“Пу ікі айнаа ниме читпин,
Пу чирде сүзісче полчаннар,” –
Сағын салған Хубан Арыг.
Чилні чилбіреп, хузури чайылып,
Ікі хучаның алнына кил түскен.
Ікі хуча, сүзізіп,
Хара чирні хастырлар,
Хара палгазын сығартырлар.
Көгбеліг одын ходыра теептірлер,
Күбүр палгазын сығартырлар.
Хара хучанаң ах хуча,
Удур чүгүрізіп урунысханда,
Хатыг хайа чіли хағдырасчалар,
Тимір урунысхан чіли сыңырасчалар.
Азыр мўўстерінең
Ах чалынның от көйіс тур.
Ікі мўўс аразынаң
Көк чалынның от көйіс тур.
Көрген харахтары көс осхас,
Тынған тыныстары чалын осхас.
Ахсыларынаң сыххан тыныстары
Ах тубан полып чайылча,
Көксілерінең сыххан оорлары
Көк тубан полып тарапча.»

«Хубан Арыг взглядом [своим] окинув, видит,
С белыми цветами белая степь расстилается.
В центре белой степи
Белый баран с черным бараном бодаются.
“Этим двум чертям чего не хватило,
[Что они в] этой земле бодаются,” –
Подумала Хубан Арыг.
[И на своем коне, у которого] грива развеивается,
хвост распущен,
Перед двумя баранами появилась.
Два барана, бодаясь,
Черную землю изрыли [ископытили],

Черную грязь [на поверхность] вытащили.
 Пожухшую (?) траву пинками [своими] выбили
 [с корнем],
 Рыхлую грязь [из-под земли] вытащили.
 [Когда] черный баран [и] белый баран,
 [На] встречу друг другу, скача, сталкивались [лбами],
 Твердой скале подобно трещали,
 Железу столкнувшемуся [подобно] звенели [они].
 [От] раздвоенных [их] рогов
 Белое пламя огня возгоралось.
 Между [их] двух рогов
 Синей молнии пламя зажигалось.
 Глядящие [их] глаза, словно горящие угли,
 Выдыхаемый [ими] воздух, словно пламя.
 [Изо] рта вышедший воздух,
 Белым туманом став, развевается,
 [Из] груди выходящий пар,
 Синим туманом став, расходится.»
 [Хубан Арыг, 1995, с. 182–183. Перевод наш. – Авт.]

Добавим, что в хакасском фольклоре нередко встречается отождествление указанного животного с астральными объектами [Катанов, 1907, с. 240; Доможаков, 1951, с. 69].

Другим распространенным символическим значением образа барана, преимущественно основывающимся на его зоологической специфике, является то, что он воплощает собой плодovitость и воспроизводящие силы природы [Орел, 2008, с. 75]. Подобные представления в полной мере были присущи и хакасам.

В обыденной жизни хакасов, как и других сибирских народов, чрезвычайная близость барана и человека имеет множество проявлений. Более того, их семантические связи формируются и поддерживаются на протяжении всей жизни. Люди всегда использовали и продолжают употреблять обозначенное животное в качестве важного источника пищи и незаменимого сырья – кожи и шерсти, а также универсального средства меновой торговли, оплаты услуг и т.д. Заметим, что кожа и шерсть широко применялись в изготовлении одежды и обуви, постельных принадлежностей, жилища, конского снаряжения и пр. Постоянная и повышенная востребованность этого животного в обыденной жизни людей была вызвана его большой хозяйственной ценностью. Все это способствовало наделению барана в традиционной культуре и обрядности высоким символическим значением. Каждое важное событие в жизни хакасов, будь то рождение, свадьба, похороны, календарные праздники, почитание духов-покровителей, приезд гостей и многое другое, как правило, сопровождалось закланием барана и приготовлением праздничного стола. В этой связи уместным будет привести личные наблюдения известного исследователя XIX в. М.А. Кастрена о данной традиции народа: «Проснувшись поутру, я тотчас догадался, что гото-

вится пир: резали баранов, пекли яйца, хлеб, наливали молоко в большие сосуды. На огне стоял большой котел с заквашенным молоком» [1999, с. 214].

Баран традиционно выступал в качестве одного из наиболее распространенных и ценных предметов дарообмена как внутри социума, так и в процессе взаимодействия между миром людей и духов/божеств. В ритуальной сфере он являлся одним из тех важнейших средств, посредством которого, как полагали, человек мог эффективно взаимодействовать со сверхъестественной силой, обеспечивающей благополучие его жизни. Обычно это происходило путем поднесения ей жертвенных даров в виде барана и пр.

В религиозно-мифологическом сознании составной элемент чего-либо или кого-либо нередко отождествляется и наделяется теми же признаками и свойствами, что и сам объект. Исходя из этого, часть может выступать в качестве алломорфа целого. Подобные архаические воззрения, например, нашли яркое отражение в промысловых культурах. Так, охотники, добыв дикого зверя и аккуратно освежевав его тушу, старались сохранить в целостности его кости и череп. Данная норма основывалась на вере в то, что именно благодаря сохранению указанных элементов тела животного беспрепятственно состоится его последующее возрождение, а значит – будет восполнена популяция этого биологического вида в той местности, где он был добыт. Соответствующие убеждения относились не только к диким, но и к домашним животным, в т.ч. и к баранам.

В хакасской традиции отдельные части тела указанного животного, используемые в той или иной обрядности, часто замещали его самого. Поэтому допускалось жертвенное подношение духам и божествам не всего барана, а лишь избранных частей его тела. Все остальное употреблялось людьми – непосредственными участниками священнодействия. Помимо этого, некоторые его анатомические элементы выделялись своими сакральными свойствами. Исследователи конца XIX в. А.А. Кузнецова и П.Е. Кулаков отмечали, что хакасы хранили астрагалы/альчики (*хазых*) – надкопытные кости барана в юртах иногда в особых деревянных шкатулках, т.к. считалось, что они «приносят счастье» [1898, с. 125]. Местное население часто использовало их в бытовой продуцирующей магии. С этой целью домохозяйин закапывал их в своем овечьем загоне с заклинанием: «овцы мои, в загоне моем постоянно родитесь, множьтесь» (АХНКМ, л. 5). По уточняющим сведениям ученого-археолога Я.И. Сунчугашева овечьи астрагалы зарывали в землю в том случае, если их количество достигало 100 штук. Они обычно помещались под землю в углу овечьего загона. В народе были убеждены,

что в таком случае в стаде прибавится столько же голов, сколько было зарыто астрагалов. Согласно материалам исследователя, житель с. Верх-Аскиз Касамир Сунчугашев утверждал, что он вместе с отцом дважды зарывал подобным образом указанные кости [Сунчугашев, 1963, с. 146]. В архиве Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова представлен этнографический материал, согласно которому в аале Аршанов Алтайского района старик Арап Котожеков сообщал о том, что его мать еще в XIX в. зарыла овечьи астрагалы в количестве одной тысячи штук «для того, чтобы овцы были целы» (АХНКМ, КП № 7228 / 1).

Семиотические связи человека с бараном брали свое начало с самого его рождения. В традиционной хакасской семье, как уже отмечалось, рождение ребенка, как правило, сопровождалось закланием барана и других животных. Так, князь Н.А. Костров в XIX в., изучавший традиционную обрядность хакасов, по этому поводу писал: «Когда семейство кизильца прибавилось, он режет корову или двух, трех баранов, созывает на обед родственников и соседей, поит их вином» [1853, с. 32]. Данный акт сам по себе решал несколько задач как рационального, так и иррационального планов. Само появление на свет здорового ребенка – нового члена семьи и рода, всегда было радостным событием для всего общества. А для самой семьи оно превращалось в праздник, непременным атрибутом которого является пиршество – *той*. Основным блюдом на нем всегда выступало мясо в различных вариациях приготовления. У хакасов же баранина всегда являлась одной из наиболее популярных и доступных мясных продукций. Как верно подметил этнограф К.М. Патачаков: «Баранина у хакасов была одним из излюбленных блюд» [1958, с. 21]. Сведения о соответствующих пищевых предпочтениях обычных людей, а также богатырей, нашли отражение и в фольклоре [Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 122].

Другим не менее важным моментом в этом мероприятии была традиция угощать роженицу, разрешившуюся от бремени, такой пищей как *м'унч'ук* – бараньим бульоном с мелко накрошенным мясом [Бутанаев, 1996, с. 133]. Согласно народной медицине хакасов данное блюдо способствовало скорейшему восстановлению сил и здоровья женщины, а также увеличению лактации. В связи с этим пожилая хакаска вспоминала: «Когда женщина рождает, то ее окуривают ербенном [чабрецом]. Колят овечку, чтобы сразу после родов напоить роженицу горячим мясным бульоном (Аршанова Праксovia Петровна, 1886 г.р., с. Аршаново)» (АМАЭС ТГУ, № 682-5, л. 18).

Одной из основных целей родильной обрядности было обеспечение безопасности жизни и здо-

ровья матери и ребенка. Для этого требовалось покровительство сверхъестественных сил. Поэтому обращались за помощью к духам-покровителям, прежде всего, *От Ине* – хозяйке огня, божеству плодородия *Ымай иче*, духам гор, семейно-родовым духам – *т'ос'ам* и другим мистическим существам. Их обильно угощали мясомолочной пищей. Данный акт осуществлялся путем сжигания ее на огне и окропления напитками по сторонам света. При этом основным мясным продуктом чаще выступала баранина. Немаловажным в процессе сбережения жизни и здоровья ребенка было изготовление сакральных изделий – оберегов. Они имели разную форму и материал изготовления. Одним из самых распространенных ритуальных предметов подобного рода была вязка из бараньих астрагалов, олицетворявшая собой плодородие и защиту. Ее часто размещали над колыбелью, в которой находился ребенок [Бурнаков, Цыденова, 2016, с. 44]. Со слов информанта: «Бараньи альчики висели на уровне рук ребенка. На длинную вязку пришивали еще чылаңмыс (раковины каури) те, у кого были дети (Шурышева Матрена Александровна, 1909 г.р., с. Доможаково)» (АМАЭС ТГУ, № 681-1, л. 62 об. – 63). Заметим, что и при положении младенца в люльку старшие родственники обязательно произносили *алгыс* – благословление, в котором часто упоминались и бараньи астрагалы – яркие символы плодородия:

«Пизик паа пик ползын,
Пиче-туңма тартыл турзын!
Хазых паа пик ползын,
Харындас-туңма тартыл турзын!»

«Пусть будут крепки ремни колыбели,
Пусть к ней притянутся старшие и младшие сестры!
Пусть будут крепки ремни с астрагалами.
Пусть к ним притянутся старшие и младшие братья!»

[Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 342, 354].

Добавим, что в качестве основания для подстилки в зыбке часто использовали высушенный овечий или иной скотский помет, который обладает гигроскопическими свойствами. Следует сказать, что за изготовление самой колыбели в качестве вознаграждения мастеру обычно дарили ягненка [Бутанаев, 1996, с. 136].

В ситуации трудных родов с высокой долей угрозы жизни роженицы хакасы незамедлительно обращались за помощью к шаману или православному священнослужителю. В качестве оплаты их услуг, помимо денежных средств и пищевых продуктов, требовалось также предоставить им мясо барана. По сообщению Н.С. Тенешева: «Как шаману, так и священнику, согласно существовавшему обычаю за их “труды” нужно было заплатить или

деньгами, или продуктами (мясо, мука). Заднюю часть овцы, которую кололи к приезду шамана или священника, хозяин отдавал им. Этот вид платы по обычаю не входил в плату за труд шамана или священника. Шаману или священнику кроме этого нужно было заплатить еще мукой, зерном или деньгами» (АМАЭ РАН, ф. 5, оп. 6, д. 18, л. 4).

Новорожденного младенца, как правило, заворачивали в тканевые пеленки и помещали в меховой «конверт», сшитый из обработанной овчинной шкуры [Яковлев, 1900, с. 81].

По прошествии двух-трех месяцев после рождения ребенка устраивался пир – *«пала тойы»*. На указанное мероприятие забивался скот, в первую очередь бараны. Обычно для угощения закалывали самых жирных баранов. Перед тем, как садиться за праздничный стол, проводили обряд почитания семейно-родовых духов-покровителей. Для этого подходили к очагу и со словами благопожеланий трижды поднимали блюдо со свежесваренным мясом и окропляли аракой. После чего, отрезав три кусочка от сердца, от правого верхнего ребра и от грудины, клали их в огонь. После чего приступали к трапезе [Бутанаев, 1996, с. 139]. При этом участниками этого процесса соблюдались определенные правила принятия пищи. Так, матери давали съестную грудинку, поджаренную на углях. Были убеждены, что это позволит ей сохранить здоровье и благополучно выкормить ребенка. Голова барана предлагалась самому уважаемому старику, а лопатки – сватам или родителям мужа. Дяде ребенка по матери (*тайы*) также подавали один из самых больших и жирных кусков [Кустова, 2000, с. 96]. Обязательной нормой детского праздника было одаривание младенца домашним скотом. При этом одним из самых распространенных подарков был мелкий рогатый скот. Как отмечал Н.С. Тенешев: «Некоторые родственники давали новорожденному овцу, теленка или ягненка» (АМАЭ РАН, ф. 5, оп. 6, д. 18, л. 7).

На празднике *«пала тойы»* производился обряд имянаречения. Человек, которому была поручена данная миссия, предварительно очищал свои уста коровьим молоком и усаживался в почетном месте – *төр* на белый войлок [Бутанаев, 1996, с. 139]. После этого называл имя младенца и произносил *алгыс* – благословение. Описание данной традиции часто встречается в эпическом творчестве хакасов. Приведем одно из них:

«Аны искен Ахаан оолгы
Ах сілекени ағыл-килди.
Аны соғып, паба-ічези,
Апсах-инейлерни чыып,
Ат адирга той итчелер.
Ах инектиң ах сүдин

Ах-Аланго саап-килген –
Ахсыларын анынаң чаярға.
Ахаан апсах, ах инектиң
Ах сүдин оортап-алып,
Ахсын чайып одырча.
Аның аразында чоохтанча:
“Тагча от оттам,
Талайча суг ісем.
Ханалығ ибни мин
Хас алтына киргем,
Тирмелиг ибни мин
Чар алтына киргем.
Киссең – миниң мойным
Кискейзиң, иркем-палам.
Аххан адалығ, Ах-Алаңо инелиг,
Көкеең ағалығ, Көк-Алаңо уучалығ,
Ах-сараттыг Алтын-Сабах чачалығ,
Ах-ой аттыг Айдолай ползын, чөбе?”
Аны чаратчазын ма, палам?
“Чарир, чарир,” – тіп аның оолгы
Азаана тусче, ахсына охсанча.
Аххан апсах пазох чоохтапча:
“Хачан даа, кизи чиринде чөөрчетсен,
Күстігібін тіп күчүркебе,
Алыппын тіп матырхаба.
Өкістерге өзел ачызын,
Чабыстарға чарнын ачызын.”»

«Это услышав, сын Аххана
Белого холошеного барана привел.
Его забив, отец [и] мать [его],
Стариков [и] старушек созвав,
Пиршество в честь имянаречения проводят.
Белой коровы белое молоко
Ах-Аланго надоив, принесла –
[Свои] рты [чтобы им] ополоснуть <...>.
Аххан старик, белой коровы
Белого молока один глоток [набрав],
Рот [свой] полощет.
[И] между тем говорит:
“[С] гору травы [я] съел,
[С] море воды [я] испил.
[С] деревянными [стенами] юрту я
[У] подножья холма вознес,
[С] решетчатými [стенами] юрту я
[У] подножья обрыва установил,
[Если] резать [хочешь] – мою шею
[Придется] резать, [мое] милое дитя.
[С] отцом Ахханом, матерью Ах-Аланго,
Дедушкой Кёкеном, бабушкой Кёк-Аланго,
[И, имеющий] старшей сестрой Алтын-
Сабах, едзящую на светло-соловом коне,
[Едзящим на] бело-буланом коне,
Айдолаем [ты будешь], хорошо?”
Это [ты] одобряешь ли, дитя [мое]?”
“Одобряю, одобряю,” – говорит его сын
К ногам опускается, в уста целует.
Аххан старик снова говорит:
“[Помни] всегда [когда] по чужой земле [будешь]
ходить,

[Я] сильный, говоря, не бахвалься,
 [Я] богатырь, говоря, не хвались.
 [К] сиротам [пусть] жалость [твоя] горечью
 [наполняется],
 [К] низшим [и обездоленным людям] [пусть]
 лопатки твои горечью [наполняются].”»
 [Аран-чула, 1946, с. 28. Перевод наш. – Авт.]

Следует отметить, что одним из распространенных имен-оберегов, которым нарекали мальчиков, был «Хуча» – ‘Баран’ [Костров, 1852, с. 51; Бутанаев, 1996, с. 140]. Полагали, что оно не только защищает его владельца от нечистой силы, но и приносит счастье.

Изделия из бараньей кожи, а также некоторые его органы выступали в качестве важнейших предметов, которые употреблялись в процессе кормления ребенка. Так, например, при изготовлении традиционного молочного поильника – *умчу*, сделанного из коровьего рога, его соску часто мастерили из бараньей кожи [Кустова, 2000, с. 46].

Младенцев начинали приучать к мясной пище с раннего возраста. Для этого отваривали курдючное сало (*хой хузуругы*). Отрезали кусок размером с палец. Поперек его нижней части вонзали деревянный стержень, выполняющий функцию ограничителя, чтобы ребенок случайно не проглотил сало. В результате получалась своеобразная соска-пустышка, называемая *соррыс*. Были убеждены, что баранье сало смягчает сердце младенца и будет способствовать формированию доброго и отзывчивого характера. Помимо этого считалось, что оно придает ребенку силу и выносливость [Бутанаев, 1988, с. 218]. Практика употребления курдючного сала детьми была запечатлена и в героических сказаниях хакасов:

«Хой хузурии чаан сор чӱрген.
 Хылбых састыг оолагастар,
 Хызыл инектер тӱгинең
 Хызыл мерчиктер идебес,
 Хырых хырны азыра, отыс ойны кизире,
 Сырыг сӱрместиг постыгларнын
 Сырыг сӱрмезин сирбектеп чӱрӱп,
 Орты хараалар иртире
 Ойынга сабыл чӱредирлер.»

«[С] овечьего хвоста сало обсащывавшие,
 [С] торчащими волосами мальчики,
 [Из] шерсти красных коров
 Красные мячики сделал,
 [Через] сорок хребтов, [и через] тридцать долин
 [играя, переходят],
 Девиц [с] заплетенными косичками
 [За] заплетенные косички таскают,
 [Так все] полуночи минуя [они],
 [В] играх [азартных] увлекшись, проводят.»
 [Хан-Тонис, 2007, с. 207. Перевод наш. – Авт.]

Следует добавить, что в качестве соски помимо курдючного сала использовали еще и *хосханах* – толстую баранью кишку, вывернутую наизнанку, жиром наружу. Она употреблялась в вареном виде. И ее также насаживали на палочку [Кустова, 2000, с. 47].

Обувь и верхнюю одежду детям, как и взрослым, чаще шили из бараньих шкур. Как отмечает Ю.Г. Кустова: «Обувь детям шили из шкур ягнят, овец, из кожи, обувь девочек украшали вышивкой. Нарядную обувь шили из белой овчины, ее также вышивали» [2000, с. 63]. И в дальнейшем вся жизнедеятельность как детей, так и взрослых была тесно связана с бараньими шкурами и войлоком, которые употреблялись не только в качестве одежды, но еще и как напольные ковры-подстилки в юрте и доме и как постельная принадлежность. Хакасские старики вспоминали об этом следующее: «Дети размещались на полу на овечьих шкурах в любом месте юрты (Кидиекова Аксинья Егоровна, 68 лет, улус Картузов)» (АМАЭС ТГУ, № 680-4, л. 7); «Раньше одеял не было. Русские придут, мы [дети] под овчину спрячемся. У нас одеял не было. Были из овечьей шерсти потники, их стелили 5-6 штук на кровать. Вот кровать и налажена. Одеяла из овчины делали (Тугужекова Марфа Степановна, 1900 г.р., д. Малое Озеро)» (АМАЭС ТГУ, № 678-1, л. 46); «Летом жили в юртах деревянных (6 или 4 угл.), покрытых корьем. Посреди чувал вверху отверстие, чтобы дым выходил. Спали на войлочных потниках (Сандакова Екатерина Павловна, 1898 г.р., с. Секта)» (АМАЭС ТГУ, № 677-4, л. 37); «Одевались в овчины. Шуба овчинная, брюки из овчины. Спали на потнике (Аёшин Михаил Трофимович, 1898 г.р., с. Трошкино Ширинского р-на)» (АМАЭС ТГУ, № 677-4, л. 43–44); «Спали на овечьей шубе, ею же накрывались ... Были такие бедные, что девки у них летом и зимой ходили в шубе (идегтиг тон). А под шубой ни платья, ни штанов. Летом мехом наружу вывернут и так ходят (Доможакова Мария Егоровна, 1902 г.р., с. Доможаково)» (АМАЭС ТГУ, № 681-1, л. 80).

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что баран занимал важное место в традиционной культуре хакасов, в частности, в обрядности, связанной с миром детства. Его функциональность определялась, прежде всего, хозяйственной ценностью – использование в качестве пищи и материала для изготовления одежды, постели и пр. Сакральная функция животного выражалась в наделении его защитными свойствами. Образ барана и отдельных частей его тела выступали в качестве оберега и символа плодородия. В культуре хакасов рассматриваемое животное являлось одним из ключевых и наиболее

распространенных атрибутов дарообменных процессов как внутри человеческого коллектива, так и во взаимоотношениях с миром духов.

Список литературы

Аран-чула ах ой аттыг алып Айдолайданар (Чаалыг ныхмах) (О богатыре Айдолае на бело-буланом коне (Богатырское сказание)) // Хакасский фольклор. На хакас. яз. – Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1946. – С. 3–72. (на хакас. яз.)

Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов об языках // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. – № 2 (42). – С. 111–121.

Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Культурная атрибутика богини Умай в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – вторая половина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 3 (13). – С. 39–53.

Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 206–221.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. – 224 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. – 376 с.

Доможаков В.И. Хакасские загадки // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан: Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. – Вып. 2. – С. 60–84.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Костров Н.А. Качинские татары. – Казань: Тип-я Губерн. Правле-я. 1852. – 66 с.

Костров Н.А. Кизильские татары. – Казань, 1853. – 38 с.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Тип. Енис. губ. упр-я, 1898. – 298 с.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 160 с.

Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 584 с.

Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан: Хакас. кн. из-во, 1958. – 104 с.

Сунчугашев Я.И. Материалы по народным играм хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан, 1963. – Вып. IX. – С. 145–155.

Топоров В.Н. Овца // Мифы народов мира. – М.: Сов. энци-я, 1988. – Т. II. – С. 237–238.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. – 312 с.

Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М.Р. Баинова. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. – 384 с.

Хубан Арыҕ. Алыптыг ныхмах. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1995. – 192 с. (на хакас. яз.)

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. 4. – Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. – 212 с.

References

Aran-chula akh oi attyg alyp Aidolaidanar [About hero Aidolay riding a white-bulan horse (Heroic legend)]. In *Khakasskii fol'klor*. Abakan, Khakas. Book. Publ., 1946, pp. 3–72 (In Khakas.).

Burnakov V.A. Khakass traditional representations of the zzykhs. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010, vol. 2, pp. 111–121. (In Russ.).

Burnakov V.A., Tsydenova D.Ts. Cult attributes of the goddess Umai in the religious-mithological views of the khakass people (End of XIX – the second half of XX century). In *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2016, vol. 3, pp. 39–53. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Vospitanie malen'kikh detei u khakasov. In *Traditsionnoe vospitanie detei i u narodov Sibiri*, Leningrad: Nauka Publ. 1988, pp. 206–221. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov. Abakan, Khakas. Book. Publ., 1996, 224 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. Mir khongorskogo fol'klora. Abakan: KhSU Publ., 2008, 376 p. (In Russ.).

Domozhakov V. I. Khakasskie zagadki. In *Zapiski Khakasskogo nauchno issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Abakan, Khakas the regional. State. Book. Publ., 1951, vol. 2, pp. 60–84. (In Khakas., and in Russ.).

Kastren M.A. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849). Tyumen': Yu. Mandriki Publ., 1999, 352 p. (In Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St. Petersburg: Imp. Akademiya nauk Publ., 1907, vol. 9, 640 p. (In Russ.).

Kostrov N.A. Kachinskie tatary. Kazan, Gub. Pravl. Publ., 1852, 66 p. (In Russ.).

Kostrov N.A. Kizil'skie tatary. Kazan, 1853, 38 p. (In Russ.).

Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinskie i achinskie inorodtsy. Krasnoyarsk: Enis. губ. upr-ie Publ., 1898, 298 p. (In Russ.).

Kustova Yu.G. Rebenok i detstvo v traditsionnoi kul'ture khakasov. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2000, 160 p. (In Russ.).

Orel V.E. Kul'tura, simvoly i zhyvotnyi mir. Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentri Publ., 2008, 584 p. (In Russ.).

Patachakov K.M. Kultura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazei s russkim narodom (XVIII–XIX v.). Abakan, Khakas. Book. Publ., 1958, 104 p. (In Russ.).

Sunchugashev Ya.I. Materialy po narodnym igram khakasov. In *Uchenye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii*. Abakan, 1963, pp. 145–155. (In Russ.).

Toporov V.N. Ovtsa. In *Mify narodov mira*, Moscow: Sov ents. Publ., 1988, Vol. 2, pp. 237–238. (In Russ.).

Ungvitakaya M.A., Mainagasheva V.E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Abakan, 1972, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 312 p. (In Russ.).

Khan-Tonis na temno-sivom kone. Bogatyrskoe skazanie M.R. Bainova. [Khan-Tonis on a dark gray horse. The heroic legend of M.R. Bainov] Novosibirsk: Novosibirsk. book Publ., 2007, 384 p. (In Khakas).

Khuban Aryg. Alyptyg nymakh [Khuban Aryg. Heroic legend]. Abakan, Khakas. book Publ., 1995, 192 p. (In Khakas.).

Yakovlev E.K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya. Minusinsk, V.I. Kornakov Publ., 1900, vol. 4, 212 p. (In Russ.).

Бурнаков В.А. <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Бурнаков А.А. <https://orcid.org/0000-0001-6874-0804>